

Челябинский гуманитарий. 2023. № 1 (62). С. 25–31.

ISSN 1999-5407 (print).

Chelyabinskij Gumanitarij. 2023; 1 (62), 25–31.

ISSN 1999-5407 (print).

Научная статья

УДК 316.7

КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ И НАРОДНОЕ ТВОРЧЕСТВО КАК ПАМЯТЬ МЕСТА И СИМВОЛИЧЕСКИЙ КАПИТАЛ РЕГИОНА

Оксана Михайловна Громова

Челябинский государственный центр народного творчества, Челябинск, Россия,

Gromovao@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена вопросам использования культурного наследия и традиционного любительского творчества в продвижении региональной культуры, формировании региона как эмоционально значимого места памяти. Анализируются возможности региональной культурной политики в актуализации народного творчества, ремесел. Автор обращается к результатам социологического исследования жителей Южного Урала, систематизирует данные, связанные с отношением людей к различным аспектам проведения свободного времени. Делается вывод о том, что уникальность региона определяется самобытностью культурных традиций и досуговых практик.

На материале проведенного исследования, делаются выводы о сложившемся устойчивом образе Южного Урала. Подчеркивается, что потенциал культурного наследия региона воспринимается как одно из оснований многоуровневой территориальной идентичности жителей – «символический капитал места». Поднимается проблема недостаточной интеграции любительских практик и традиционного наследия в виртуальные форматы культуры.

В заключении статьи автор концентрирует внимание на категории иммерсивности. Иммерсивность способствует максимальному погружению в культурно-событийную среду региона. В качестве характерных примеров приводятся фестивали любительского творчества, народных ремесел. Делается вывод о том, что доминирующим резервом в эффективном функционировании иммерсивной культуры территории может выступать именно сфера любительского народного творчества, создающая максимальные условия для развития культуры соучастия.

Ключевые слова: культурное наследие, культурная память, любительское творчество, досуг, досуговые практики жителей Южного Урала.

Для цитирования: Громова О. М. Культурное наследие и народное творчество как память места и символический капитал региона // Челябинский гуманитарий. 2023. № 1 (62). С. 25–31.

Original article

CULTURAL HERITAGE AND FOLKLORE AS MEMORY OF PLACE AND SYMBOLIC CAPITAL OF THE REGION

Oksana M. Gromova

Chelyabinsk State Center of Folk Art, Chelyabinsk, Russia, Gromovao@mail.ru

Abstract. The article deals with the use of cultural heritage and traditional amateur art in the promotion of regional culture, the formation of the region as an emotionally significant place of memory. The possibilities of regional cultural policy in the actualization of folk arts and crafts are analyzed. The author refers to the results of sociological research of the residents of the Southern Urals, systematizes the data related to the attitude of people to various aspects of spending their free time. The conclusion is made that the uniqueness of the region is determined by the originality of cultural traditions and leisure practices.

Based on the material of the study, conclusions are made about the established stable image of the Southern Urals. It is emphasized that the potential of cultural heritage of the region is perceived as one of the bases of multilevel territorial identity of residents - "symbolic capital of place". The problem of insufficient integration of amateur practices and traditional heritage into virtual formats of culture is raised.

In the conclusion of the article the author focuses on the category of immersiveness. Immersiveness contributes to the maximum immersion in the cultural and event environment of the region. As characteristic examples are cited festivals of amateur art, folk crafts. The conclusion is made that the dominant reserve in the effective functioning of the immersive culture of the territory can be the sphere of amateur folk art, which creates the maximum conditions for the development of the culture of participation.

Key words: cultural heritage, amateur art, leisure time, leisure practices of the South Urals residents.

For citation: Gromova O. M. (2023). Cultural heritage and folklore as memory of place and symbolic capital of the region. *Chelyabinskij Gumanitarij*, 1 (62), 25–31.

Введение

Тема развития любительского творчества, включая ремесла и декоративно-прикладные виды, не является новой. Однако актуальность обращения к соответствующим культурно-досуговым практикам не теряет своей актуальности. Культурная политика России, направленная на гармоничное сочетание традиций и новаций, повышение креативности культурно-досуговой деятельности требует и повышения эффективности системы культуры. В значительной степени такая эффективность связана с использованием потенциала культурного наследия и любительского творчества в системе формирования культуры памяти (Ассман 2004) и памяти территории как места жизни, которые в последние годы находятся на некоем «острие» общественных дискуссий: то уводящих материальность наследия в сторону виртуальных форматов (Штоп-Рутковска 2015), то ставящей вопросы о результативности «ресурсных потенциалов» прошлого и будущего культуры (Яковенко 2016).

В «Основах государственной культурной политики» подчеркивается решающая роль регионов в укреплении и продвижении традиционных для российского общества ценностей, норм, традиций и обычаев. В определяющей долгосрочную перспективу развития культуры «Стратегии государственной культурной политики до 2030 года» подчеркивается, что недостаточное внимание к исторической памяти – сопряжено сегодня с угрозами национальной безопасности.

Такое внимание государственных акторов к проблемам культурного наследия и народного творчества, на наш взгляд, не столько дань историческому прошлому, сколько потребность в решении актуальных общественных задач. Любительское (самодельное) народное творчество – ключевой фактор воспроизводства культуры, поддержания аутентичных традиций, развития позитивных форм и практик досуга различных категорий населения. Более того, самодельность, во всех ее проявлениях – это основа брендинга регионов, формирования модернизационных процессов и инновационных практик, драйвер социальной активности жителей.

Нельзя также не учитывать неявный экономический эффект культурного наследия и любительского народного творчества (Арефьева 2015). С одной стороны, речь может идти о специальном потреблении – приобретении материалов, продуктов питания (национальные кухни), оборудования и др. С другой стороны – обеспечивается привлечение дополнительного турпотока, реализация изделий народных ремесел, создание благоприятной имиджевой среды для инвестиций и притока в регион квалифицированных кадров с высоким уровнем общей культуры.

Таким образом, рассмотрение культурного наследия и народного традиционного творчества как значимого ресурса продвижения территории – становится сегодня заметным трендом региональной культурной политики (Горелова 2016; Пиляк 2022).

Именно успешный опыт инвестирования в эксклюзивное поле культурной самобытности позволяет обеспечивать успешность позиционирования российских регионов на общекультурном универсальном поле: «Культура способна стать ресурсом развития территории, изменить отношение к своему родному поселку и городу благодаря личному участию жителей в создании общественных мест для социокультурных коммуникаций, организации и проведении праздничных событий, вовлекающих всех желающих в их подготовку. Уже сегодня успешные проекты изменили культурную среду многих российских поселений, потому что ее качество и параметры определяются талантами и творчеством проживающих в них людей» (Астафьева, Синецкий 2017: 75).

Эти ресурсы культурного наследия, по мысли Н. Г. Федотовой, могут рассматриваться как символический концепт «Urban Imaginary» (городское воображаемое), проявляющийся через различные маркеры:

- природные визуальные маркеры;
- маркеры городского ландшафта;
- архитектурные маркеры;
- персонифицированные маркеры (известные персоны);
- символические объекты: «все те целенаправленно созданные объекты городского пространства, которые символически репрезентируют городские смыслы как исторического (памятники), так и современного характера (логотип городского бренда, арт-объект)» (Федотова 2020: 135).

На основе имеющихся ресурсов территории, воплощенных в объектах культурного наследия и традиционного народного творчества, как подчеркивают исследователи (Ширинкин 2016: 106) продуцируются образы географического пространства и обеспечивается привлечения в регион потенциальных туристов, а сами объекты культуры претендуют на обретение статуса бренда.

Постановка проблемы, материал исследования и результаты

Несмотря на заявленный приоритет в интерпретации культуры как основы жизнедеятельности современного человека, необходимости внимания к культуре как коллективной памяти (Флиер 2023), приоритетной роли творчества и наследия – эти позиции не всегда напрямую коррелируют с восприятием различных типов аудиторий.

В данной статье мы обратимся к интерпретации результатов проведенного нами социологического исследования, направленного на выявление субъективного отношения жителей Южного Урала к культуре региона в институциональном (сфера культуры, учреждения культуры) и неинституциональном (культурно-художественные практики самодеятельности, любительства) аспектах. Опрос проводился в мае-июне 2021 года, в нем приняли участие 450 респондентов (из них: 46% – мужчины; 54% – женщины).

Такое обращение, на наш взгляд, позволяет обеспечить несколько, значимых для научного анализа, позиций:

– *реальная экспликация проблематики* – то есть, рассмотрение ее не только в теоретической плоскости, но и через апробацию концептуальных положений на примере конкретно функционирующего социокультурного поля;

– *уникальность кейса* – преломление глобальных вызовов на фоне локальных (конкретных, обусловленных рядом объективных и субъективных факторов) условий существования территории,

– *действенная включенность* – использование установки на стратегию action research («исследования действием») – получение нового знания, способствующего эффективному функционированию отрасли, и решению практической задачи, связанной с преобразованием/улучшением ситуации в контексте региональной культуры.

Как уже подчеркивалось нами, обращение к культурному наследию и репрезентирующим его любительским практикам (традиционное народное творчество) видится значимым направлением общей гармонизации культурной среды. Именно поэтому в опросе нами фиксировалась оценка социальных параметров жизни населения (уровень удовлетворенности качеством жизни), во многом коррелирующая, на наш взгляд, с восприятием культурной среды.

И хотя, фиксация уровня удовлетворенности качеством жизни рассматривалась в опросе как «фоновый» показатель (не входящий в приоритетную область исследования), необходимым виделось сопряжение оценок социокультурной сферы и уровня благополучия/напряженности в восприятии различных сторон жизни в регионе.

По результатам ответов на указанный блок вопросов анкеты, респонденты классифицировались по занимаемым социально-ролевым позициям (обобщенный критерий социального самочувствия по линии «пессимизм – оптимизм»):

1.1. *выраженный социальный пессимист*: отмечает значительные материально-финансовые трудности в социальном положении собственной семьи, указывает на общую психологическую неудовлетворенность качеством жизни и демонстрирует пессимистические ожидания в оценке перспектив его улучшения (прогнозирование ухудшения); показывает склонность к негативному восприятию как личностно-значимых параметров существования (отношения в семье и с окружающими, здоровье свое и близких, плодотворный личный досуг и саморазвитие, в том числе, профессиональное), так и общественного фона жизни (политическая стабильность, комфортность среды обитания);

1.2. *пессимистичный реалист*: характеризует собственное материальное положение с акцентом на финансовых ограничениях, указывает на неудовлетворенность текущим качеством жизни и демонстрирует сомнения в улучшении этого качества в ближайшей перспективе; при оценке различных социальных аспектов (политическая ситуация, среда обитания) – склоняется к пессимистическим представлениям, однако, не выраженным в крайне-негативных коннотациях, в то время как личностно-значимые параметры жизни характеризуются, в большей мере, в сдержанно-сбалансированных оценках (средняя удовлетворенность);

1.3. *оптимистичный реалист*: при указании на существующие материальные трудности, выражает общую удовлетворенность качеством жизни и демонстрирует субъективную склонность к оптимистическим ожиданиям (надеждам) на улучшение жизненных перспектив в ближайшие годы; при оценке личностно-значимых параметров (отношения в семье и с окружающими, здоровье свое и близких, плодотворный личный досуг и саморазвитие, в том числе, профессиональное) и общественного фона (политическая стабильность, комфортность среды обитания) напряженность восприятия демонстрирует лишь в единичных проявлениях (без четко выраженной линии на пессимизм);

1.4. *выраженный социальный оптимист*: отмечает удовлетворенность материально-финансовым положением собственной семьи, прогнозирует стабильность жизненных перспектив (с ожиданием их возможного улучшения); в личностно-бытовом и социально-ориентированном аспектах жизни демонстрирует сбалансированно-оптимистические установки на созидательно-позитивное развитие.

При конкретизации восприятия личностно-значимых параметров и общественного фона – напряженность демонстрировалась респондентами лишь в единичных проявлениях (без четко выраженной линии на пессимизм).

Существенным фактором, указывающим на позитивное восприятие региона как места жизни, является своеобразная «продленность жизненных перспектив» – желание, чтобы последующие поколения семьи также закреплялись на данной территории. На вопрос: «Хотели бы вы, чтобы ваши дети жили в Челябинской области?», были получены ответы, свидетельствующие об отсутствии доминирующей позиции респондентов в этом вопросе: да, мне бы этого хотелось – 22,6%; скорее да, чем нет – 19,2%; скорее нет, чем да – 20,5%; нет, мне бы определенно этого не хотелось – 8,8%; четкого мнения по этому вопросу у меня нет – 20,5%; затрудняюсь ответить – 8,4%. Разумеется, однозначность выбора ответа в подобном вопросе в значительной мере затруднена в силу ряда обстоятельств субъективного характера: специфика внутрисемейных отношений, карьерных установок и жизненных планов детей и их родителей, финансовые и материальные факторы, препятствующие или способствующие переезду и многое другое.

Тем не менее, гипотетическая плоскость описываемой ситуации, как нам кажется, позволяет транслировать именно желаемую установку к укорененности на данной территории, диагностировать позитивный или негативный потенциал восприятия региона как места жизни. Условно (при суммировании близких по значению ответов) можно выделить три группы жителей, оценивающих потенциал места в позитивном (41,8%), негативном (29,3%) и неопределенном (28,9%) аспектах.

Западный экономист Альберт Хиршман выделял три жизненных стратегии людей, проживающих на любой территории: выход, голос и верность (Хиршман 2009). Стратегии «выход» придерживаются люди, нацеленные на смену места жительства в поисках новых возможностей (это важная группа как идентификатор проблем); «верность» – принятие существующего положения вещей; «голос» – это те, кто остаются, но при этом стремятся изменить ситуацию к лучшему. Как видим, представленное в опросе распределение практически в равных пропорциях моделирует указанные стратегии. Современный мир, отличающийся глобальными процессами коммуникации и миграции, общим трендом на территориальную мобильность – во многом предопределяет потребность и готовность современного поколения к обретению опыта жизни в новых пространствах. Однако в данном вопросе важен имиджевый контекст восприятия собственной территории как места перспективного закрепления.

Большинство жителей (45%) определяют себя как патриотов «малой Родины»: «горжусь тем, что живу в Челябинской области»; хотя, 20,5% опрошенных выбрали вариант ответа «горжусь историей, но не сегодняшним состоянием жизни Южного Урала», что требует внимания к укреплению современного облика региона – в том числе, через использование ресурса позитивного восприятия творческой составляющей Южного Урала.

Ориентируясь на результаты опроса, можем зафиксировать представления о сложившемся устойчивом образе Южного Урала (так отмечают 64% респондентов). Однако, этот образ может быть отнесен к дисперсионному типу, не связанному с четко заданным событием, символом, культурной практикой. И, все же, именно народное любительское творчество фиксируется большинством опрошенных в качестве наиболее популярной позиции ответов (36,4%). При конкретизации направлений, относимых к наиболее успешно и интенсивно развивающимся, в числе лидирующих оказались: сфера декоративно-прикладного искусства и творчества – 24,7%; традиционное народное творчество разных жанров – 19,2%. Также большинство опрошенных демонстрируют готовность к активному включению в проводимые в регионе масштабные события, направленные на популяризацию культурного наследия и регионального любительского творчества: Бажовский фестиваль, Ильменский фестиваль, Марафон талантов.

Учитывая национально-культурное разнообразие территории, вероятно, речь может идти о, так называемой, *многоуровневой культурной идентичности*, которая, по мысли Н. М. Геновой, предстает как постоянный процесс интеграции различных идентификационных оснований: «В зависимости от конкретно-исторической ситуации может произойти актуализация любого из идентификационных оснований или же возникнуть их комбинация. Структура идентичности динамична и меняется в зависимости от того, как возрастает или, наоборот, снижается вес тех или иных составляющих ее элементов» (Генова 2017: 54).

Культурная среда, творческое разнообразие, возможности для гармоничного досуга – всё то, что интегрировано в категорию «культурный капитал места» – могут выступать в качестве маркера уникальности и привлекательности локального регионального пространства. Успешность истории региона во многом определяется этим узнаваемым обликом, основой которого и является уникальность сложившейся в нем культурной традиции. На фоне происходящих процессов глобализации и интенсивной модернизации всех сфер жизни, очевидного «дрейфа» в цифровое пространство, актуальность традиционного народного творчества и ремесел не только не снижается, но приобретает особую ценность как объект эксклюзивности и рукотворной подлинности на фоне тиражируемого массового культурного продукта.

На наш взгляд, в современных условиях система культуры региона должна с одной стороны, максимально сохранять традиционные формы работы, направленные на группы населения, предпочитающие соответствующие способы проведения свободного времени; с другой стороны, – вступить в глобальную конкуренцию за свою долю виртуального рынка культурно-досуговой продукции. Очевидно, что отдельному учреждению, даже крупному сделать это крайне сложно и здесь нужна региональная культурная политика, понятная идеология экспансии региональной культуры в российское и мировое виртуальное пространство. В данном контексте можно прогнозировать следующие процессы:

- определение наиболее ярких (самобытных) черт культуры Южного Урала (от народного творчества до академических произведений уральских композиторов), которые должны быть представлены в различных виртуальных продуктах;
- создание реестра самобытных мероприятий, практикуемых традиций, фондов и коллекций, ярких медийных лиц в сфере культуры по каждой территории для включения в региональный фонд виртуальных программ;
- определение типа продукции (концерт, спектакль, сольное исполнение, массовый праздник, репортаж и др.) и ее рейтингового реестра для последующего оформления в различные виртуальные форматы;
- подготовка новых кадров (переподготовка кадров) для обеспечения эффективного процесса работы в виртуальном пространстве (например, «режиссер виртуальных постановок», или «проектировщик виртуальных культурных коммуникаций», или «дизайнер виртуальных проектов»);
- укрепление материально-технической базы региона для создания эффективной виртуальной среды культуры и виртуальных культурных проектов и их трансляции.

Эта работа поможет активизировать культурные процессы в любых, даже самых отдаленных территориях и населенных пунктах Челябинской области, поможет сохранить самобытные начала культуры разных территорий, кадровый потенциал, обеспечить позитивное внимание к региону.

Выводы и перспективы исследования

Актуальность исследования культуры региона, традиционного наследия, культурно-досуговой среды определяется стремительно меняющимися формами их функционирования, обновлением методов и принципов организации социальных коммуникаций.

Культура выступает маркером актуальных тенденций социальной жизни, позволяет с наибольшей очевидностью зафиксировать происходящие в обществе изменения. Неслучайно, звучащие в научных концепциях и общественных дискуссиях диагнозы: «общество потребления» «консьюмерная культура», «цивилизация досуга», «зрелищная культура», «виртуальная культура» и другие – указывают в большей мере именно на пространство реализации культурно-досуговых запросов, очерчивают сферу свободного времени человека. Популяризируются и новые категории определения творческой и социально-коммуникативной активности человека: эмоциональный интеллект, социальный интеллект, креативность, общество впечатлений, управление эмоциями, экономика событий и многое другое.

Несмотря на то, что современные культурные практики нередко характеризуются с позиций пассивности восприятия (медиаформаты, виртуальное присутствие, гедонизм и общая философия потребления) и прагматических ориентаций, на наш взгляд, сегодня ощутимо проявлен и запрос на самореализацию человека в творчестве, поиск креативных возможностей презентации любительских увлечений в пространстве свободного времени. Свидетельством тому – многочисленные стартапы, фестивали любительского творчества, разноформатная демонстрация талантов и хобби в социальных сетях, хендмейд-практики и многое другое.

Нарастающее разнообразие культурного предложения, гибридизация культурных форматов (Зубанова, Бунакова 2022), инновационные прорывы во многих областях жизнедеятельности, ускорение социального времени, темпов и ритмов жизни, увеличение ценности свободного времени, диверсификация всех общественных явлений – подчеркивают необходимость оперативного реагирования на запросы нового типа потребителя.

Для эффективного функционирования культурно-досуговой системы необходимо совпадение трех ключевых компонентов: объективного социокультурного фона (благоприятные веяния времени), инфраструктурных условий (сеть учреждений и институций, работающих на удовлетворение интересов) и артикулированных запросов различных аудиторий. Оптимальный синтез этих компонентов, на наш взгляд, обеспечивает иммерсивный характер культурно-досуговой среды.

Ошибочным было бы считать, что иммерсивность как процесс погружения человека в выстраиваемую (моделируемую) событийную среду лишает его активности, превращая в «растворенного» в «готовом» действии реципиента. Напротив, как отмечают исследователи (Эвальд 2019: 258) – иммерсивность может рассматриваться как реакция на массово-потребительскую установку – необходимость переживания

уникального и эксклюзивного опыта, как форма диалога, объединяющая иммерсивность и интерактивность культуры памяти.

Если иммерсивность в искусстве скорее направлена на создание эффекта спонтанного и единичного включения наблюдателя в разыгрываемое действие; связывается со «стирание грани» между художественным вымыслом (пространство сценического действия) и субъективным восприятием в акте переживания, проживания и эмоционального вовлечения; иммерсивность досугового события видится нам в смене статусов организатора и аудитории: первый лишь моделирует условия, в то время как содержательное наполнение создается именно аудиторией. Характерный пример – фестивали любительского творчества, народных ремесел и т.п. Необходимыми направлениями в создании иммерсивной культурно-досуговой среды могут и должны рассматриваться:

- соучаствующее проектирование – развитие социально-культурной активности населения в разработке содержательного и визуального контента культурной среды (когда участники данного процесса обучаются технологиям создания креативной среды, навыкам работы в команде, разрабатывают концепцию, наиболее отвечающую потребностям целевой аудитории);

- партисипаторное бюджетирование – участие населения в осуществлении местного самоуправления на основе выдвижения инициатив по целям расходования определенной части бюджетных средств в процессе проектирования общественных пространств;

- разработка и интеграция креативных досуговых практик, способствующих солидаризации горожан [Социально-культурная деятельность в современном гуманитарном дискурсе: 104].

Нам представляется, что доминирующим резервом в эффективном функционировании иммерсивной культуры территории может выступать именно сфера любительского народного творчества, создающая максимальные условия (по сути, генетически предназначенная для данной задачи) для развития культуры соучастия и максимального вовлечения жителей.

Список источников

1. Арефьева Н. Т. Культура как ресурс и инструмент экономического развития // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2015. № 5 (67). С. 176–180.
2. Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / пер. с нем. М. М. Сокольской. Москва: Языки славянской культуры, 2004. 368 с.
3. Астафьева О. Н., Синецкий С. Б. Философские и прикладные аспекты культурной политики на поселенческом уровне // Вестник культуры и искусств. 2017. № 4 (52). С. 70–80.
4. Генова Н. М. Развитие региональной культурной политики в контексте российской идентичности // Вестник МГУКИ. 2017. № 6 (80). С. 50–59.
5. Горелова Ю. Р. Актуализация культурного наследия как значимая задача культурной политики // Журнал института наследия. 2016. № 4 (7). С. 3–12.
6. Зубанова Л. Б., Бунакова М. Н. Жизнь оперы в цифровом пространстве: «третий жанр» гибридной культурной формы // Знак. проблемное поле медиаобразования. 2022. №2 (44). С. 120–127.
7. Пияк С. А. Междисциплинарный характер исследования интерпретаций культурного наследия // Социально-гуманитарное знание. 2022. № 5. С. 76–83.
8. Социально-культурная деятельность в современном гуманитарном дискурсе: Коллективная монография / сост. и науч. ред. Н.Н. Ярошенко; Московский государственный институт культуры. Москва : МГИК, 2021. 280 с.
9. Федотова Н. Г. Urban Imaginary: визуальные маркеры городского воображаемого // Праксема. Проблемы визуальной семиотики. 2020. № 1 (23). С. 121–139.
10. Флиер А. Я. Пять стратегий культуры как системы выживания // Вестник культуры и искусств. 2023. № 1 (73). С. 27–32.
11. Хиршман А. Выход, голос и верность. Москва: Новое издательство, 2009. 156 с.
12. Ширинкин П. С. Туристическое легендирование как метод использования символических средств и ресурсов в развитии гуманитарного потенциала территории // Философские науки. 2016. № 4. С. 103–112.
13. Штоп-Рутковска К. Киберпамять, или о чем мы не помним в сети. Анализ локальной памяти: Белосток и Люблин // Социологические исследования. 2015. № 4. С. 130–139.
14. Эвальд, В. Д. Интерактивность и иммерсивность в медиасреде. К проблеме разграничения понятий // Художественная культура. 2019. № 3 (29). С. 248–271.
15. Яковенко А. В. Бессилие перед будущим // Социологические исследования. 2016. № 8. С. 13–20.

References

1. Aref'eva N. T. (2015). Kul'tura kak resurs i instrument ekonomicheskogo razvitiya [Culture as a resource and tool for economic development]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv*, 5 (67), 176–180. (In Russ.).

2. Assman Ya. (2004). *Kul'turnaya pamyat': Pis'mo, pamyat' o proshlom i politicheskaya identichnost' v vysokikh kul'turakh drevnosti* [Cultural memory: Writing, memory of the past and political identity in the high cultures of antiquity]. Moscow: Yazyki slavyanskoj kul'tury, 368 p. (In Russ.).
3. Astaf'eva, O. N., Sinetskiy, S. B. Filosofskie i prikladnye aspekty kul'turnoy politiki na poselencheskom urovne [Philosophical and applied aspects of cultural policy at the settlement level]. *Vestnik kul'tury i iskusstv* [Culture and Arts Herald], 4 (52), 70–80. (In Russ.).
4. Genova, N. M. (2017). Razvitie regional'noy kul'turnoy politiki v kontekste rossiyskoy identichnosti [Development of Regional Cultural Policy in the Context of Russian Identity]. *Vestnik MGUKI*, 6 (80), 50–59. (In Russ.).
5. Gorelova Yu. R. (2016). Aktualizatsiya kul'turnogo naslediya kak znachimaya zadacha kul'turnoy politiki [Actualization of cultural heritage as a significant task of cultural policy]. *Zhurnal instituta naslediya*, 4 (7), 3–12. (In Russ.).
6. Pilyak S.A. (2022). Mezhdistsiplinarnyy kharakter issledovaniya interpretatsiy kul'turnogo naslediya [Interdisciplinary nature of the study of interpretations of cultural heritage]. *Sotsial'no-gumanitarnoe znanie*, 5, 76–83. (In Russ.).
7. Zubanova, L. B., Bunakova, M. N. (2022) Zhizn' opery v cifrovom prostranstve: «tretij zhanr» gibridnoj kul'turnoj formy. [The life of opera in the digital space: the “third genre” of a hybrid cultural form]. *Znak. problemnoe pole mediaobrazovaniya*, 2, 120–127. (In Russ.).
8. Fedotova N. G. (2020). Urban Imaginary: vizual'nye markery gorodskogo voobrazhaemogo [Urban Imaginary: visual markers of the urban imaginary]. *Praksema. Problemy vizual'noj semiotiki*, 1 (23), 121–139. (In Russ.).
9. Flier, A. Ja. (2023) Pjat' strategij kul'tury kak sistemy vyzhivaniya [Five Strategies of Culture as a Survival System] // *Vestnik kul'tury i iskusstv*, 1, 27–32. (In Russ.).
10. *Social'no-kul'turnaja dejatel'nost' v sovremenном humanitarnom diskurse* (2021) [Social and cultural activities in modern humanitarian discourse]. Moscow: MGIK. 280 p. (In Russ.).
11. Khirshman A. (2009). *Iykhod, golos i vernost'* [Exit, Voice and Loyalty]. Moscow: Novoe izdatel'stvo, 156 p. (In Russ.).
12. Shirinkin P. S. (2016). Turisticheskoe legendirovanie kak metod ispol'zovaniya simvolicheskikh sredstv i resursov v razvitii humanitarnogo potentsiala territorii [Tourist legend as a method of using symbolic means and resources in the development of the humanitarian potential of the territory]. *Filosofskie nauki*, 4, 103–112. (In Russ.).
13. Shtop-Rutkowska K. (2015). Kiberpamyat, ili o chem myi ne pomnim v seti. Analiz lokalnoy pamyati: Belostok i Lyublin [Cyber memory, or what we do not remember on the network. Local Memory Analysis: Bialystok and Lublin]. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*, 4, 130–139. (In Russ.).
14. Jeval'jo V. D. (2019) Interaktivnost' i immersivnost' v mediasrede. K probleme razgranicheniya ponjatij. [Interactivity and immersiveness in the media environment. To the problem of differentiation of concepts]. *Hudozhestvennaja kul'tura*, 3, 248–271. (In Russ.).
15. Yakovenko A. V. (2016). Bessilie pered budushchim [Powerlessness before the future]. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*, 8, 13–20. (In Russ.).

Информация об авторе

О. М. Громова – директор Челябинского государственного центра народного творчества, аспирант кафедры философии и культурологии Челябинского государственного института культуры.

Information about the author

Oksana M. Gromova – Director of the Chelyabinsk State Center for Folk Art, Postgraduate student of the Department of Philosophy and Culturology, Chelyabinsk State Institute of Culture.

Статья поступила в редакцию 19.05.2023; одобрена после рецензирования 26.06.2023;
принята к публикации 28.06.2023.

The article was submitted 19.05.2023; approved after reviewing 26.06.2023;
accepted for publication 28.06.2023.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
The author declares no conflicts of interests.